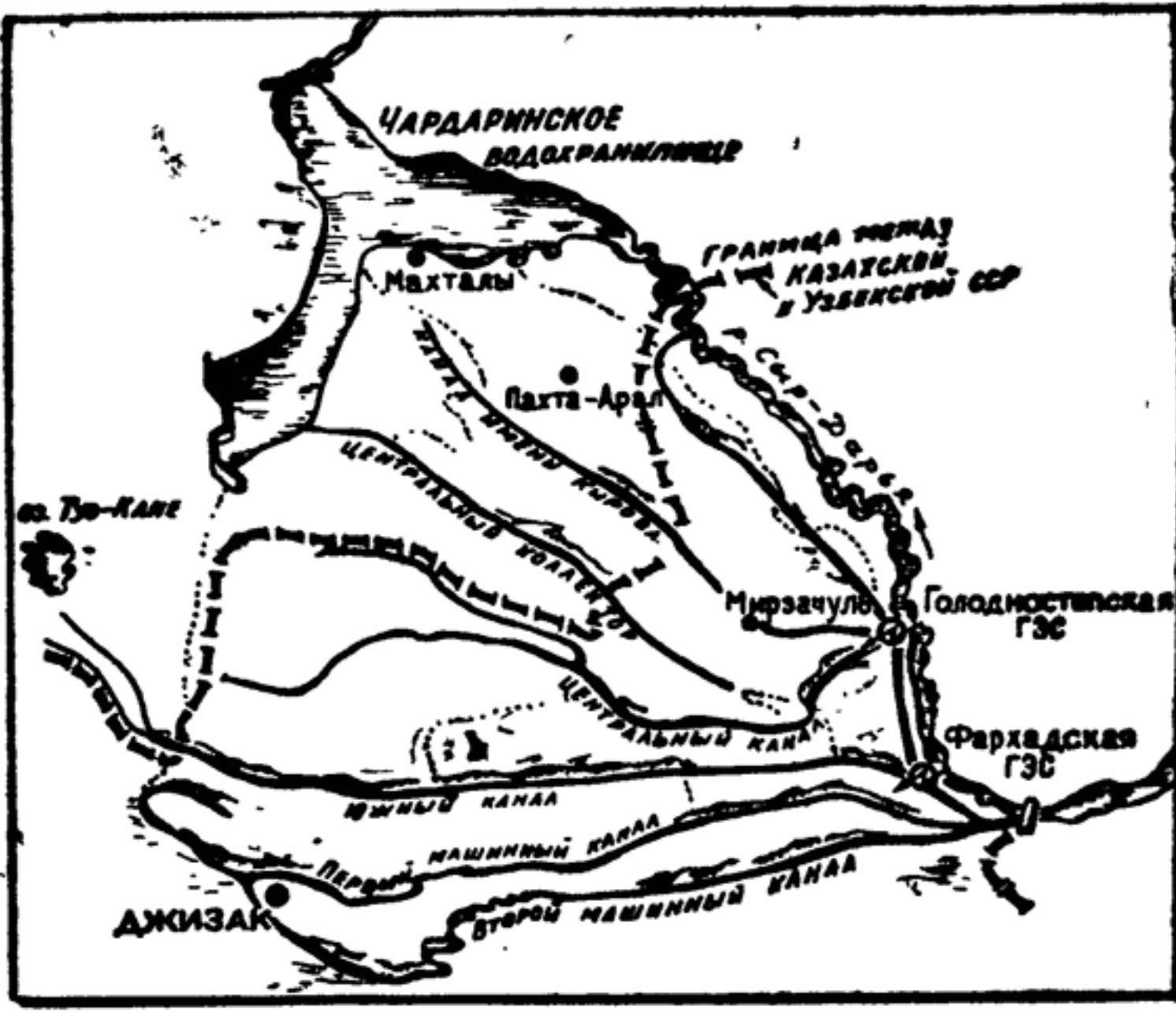

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 96 (3597)

Вторник, 14 августа 1956 г.

Цена 40 коп.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Еще одно пустынное пятно исчезнет с карты нашей Родины. По решению Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР будет освоена Голубая степь, это обширная пустыня, раскинувшаяся на части узбекских и казахских земель.

Возрождаются к жизни 300 тысяч гектаров степи — двести тысяч узбекских и сто тысяч казахских. Вода придет сюда по новым каналам — Центральному и Южному, по реконструированному каналу имени Кирова, по оросительным системам, одна из которых будет иметь машинный водопоем.

Страна наша накопила немалый опыт освоения целинных земель. Он учтен и в новом плане покорения Голубой степи. По мере того, как вода начнет свой путь в слух пустыни, на ее землях появятся 34 совхоза. Вместе с колхозами они будут заниматься хлопководством; здесь построят 34 хлопкоочистительных завода. К совхозам, колхозным поселкам и заводам протянут железные и автомобильные дороги и линии электропередачи от Фархадской ГЭС. Через несколько лет даст ток и новая ГЭС, которая будет построена в Голубой степи.

Постановление об орошении и освоении целинных земель Голубой степи вступило в силу. Об этом рассказывает в публикации ниже корреспондент узбекский поэт Гафур Гулям.

Издание труда И. Масанова

Кто знает, что у автора «Робинзон Крузо» было более двадцати псевдонимов, у Некрасова — свыше тридцати, у Савицкого и Стендаля — около семидесяти, а у Вольтера — до двухсот? Кому, кроме исследователей литературы, известно, что Феофилакт Косичкин — это шотландский псевдоним Пушкина, подписывавшего некоторые свои произведения под псевдонимом «Ст. ар.», то есть «старый армянин», или «Александр Никитин» (согласные буквы его фамилии в данном случае поставлены в обратном порядке).

Под псевдонимами начинали свою литературную деятельность Гоголь, Лев Толстой, Салтыков, Корolenko, иностранные писатели Ричардсон, Валтер Скотт, Томас Гарди, Голсуорси и другие.

Тяжелые условия царской цензуры способствовали распространению псевдонимов. Революционные деятели и лица, оппозиционно настроенные к царскому режиму, естественно, скрывали свои подлинные имена в целях конспирации.

Так, Н. Чернышевский, под псевдонимом печатался под именем «Сизиф», «Сизиф» у него употреблялся в литературе даже после возвращения из ссылки, выступал в печати за подписью «Андреев», «Волков», «Старый трансформист»; поэт

Производство хлопка

«Производство хлопка» поможет резко усилить борьбу за ее превращение в цветущий край. Предполагается, как говорится в постановлении, «создать в Голубой степи пункты оседлости целенаправленной крупнохозяйственной хлопководства для дальнейшего увеличения производства хлопка». Постановлением это полностью соответствует Директив XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану.

Директивы XX съезда глубоко взволновали народные сердца. Советские люди увидели в них мудрость Ленина и коммунистическую преданность делу. Весь народ поднялся на героический труд. Подвиги сибиряков и казахов, вырвавших миллионы пудов хлеба, вдохновили и моих братьев по республике.

Только Узбекистан орошит и освоит в 1956—1962 гг. 200 тысяч гектаров Голубой степи. Этому помогут новые каналы и оросительные системы. По новым дорогам придут в степь не только экскаваторы и тракторы, автомашины и минеральные удобрения, — придет передовая советская культура.

Лишь народу, хозяину своей судьбы и своей земли, народу, охваченному заботой Коммунистической партии и своего родного государства, под силу и по плечу решение такой величественной задачи.

Узбекистан стал в наши времена не только страной хлопка, но и страной высокой культуры. В десятках вузов республики учатся будущие ирригаторы, геологи, почвоведы, агрономы, зоотехники. Они вместе с народом пойдут в Голубую степь, чтобы преобразить ее. Вместе с ними придут на новые целинные земли и тысячи патриотов из братских республик.

Волею партии начинается народное наступление на Голубую степь. Недалеко то время, когда исчезнут с карты ее окраинные пятна и вместо них появятся новые краски — хлопковых полей и фруктовых садов. Придет время, когда народ забудет самое название — Голубая степь и назовет цветущие долины другим, радующим сердце, словом.

Гафур ГУЛЯМ
ТАШКЕНТ

Главное в человеке

Дерезик ДЕМРЧЯН

Это — не фальсификат, я не намерен спутать. Просто я хочу передать мою мысль возможно яснее, возможно иллюстративнее.

Представьте себе: в один прекрасный вечер, в час отдыха, лежа на диване, вы с наслаждением раскрываете книгу, купленную в тот день в одном из книжных магазинов. Вы очень настроены, посвятив этот вечер чтению. И вот вы читаете, что один молодой человек, проснувшись в понедельник утром в 11 часов, сплывал, не спеша, закончил свой туалет, позавтракал, пошел в городской парк и сел на скамейку. Дальше он, немужество еще позевывая, смотрел на играющих маленьких детей, потом — в одну, в другую сторону.

«Странный герой», — думаете вы, — очевидно, он не совсем здоров, но почему-то автор об этом ничего не сказал».

Потом вошла в парк группа похожих на нашего «героя» молодых людей. Улыбаясь, они подошли к нему. Началась беседа обо всем понемножку. Смеялись, шутили по поводу каких-то событий, происшедших в городе, порассуждали, в каком ателье можно заказать приличный костюм, поспорили, в каком ресторане можно вкусно поесть. И все в таком же духе... «Наверное, это группа туристов», — удивляете вы и продолжаете читать дальше. Один из юношей начинает описывать красоту своих желтоперых птиц и, в особенности, одного попутца, который выкрикивает ругательства без грамматических ошибок. «Целый год, знаете ли, трудился, пока выучил птицу. Приходите ко мне, продемонстрирую», — говорит он. Другой рассказывает о своих рыболовных снастях, третий хвастает охотничьей собакой и т. д. и т. д. (Из всего этого вы заключаете: «Нет, они не туристы. Они живут в этом городе. Но... что же дальше?»).

Вы прочли уже множество страниц, но ни разу не заговорили эти юноши о предпринятии, лаборатории, университете, типографии, воинской части, случае на железной дороге, о новой художественной выставке, постановке в театре и тысяче других явлений, происшедших, отраслей, которыми вы, читатель, днем, перед тем как взять в руки книгу, в какой-то мере интересовались, с которыми в какой-то мере были связаны. («Может быть, они находятся в отпуску?» — думаете вы).

Впрочем, повторюсь. Вы прочли уже почти треть книги и не можете сказать, что это за люди. И вы чувствуете себя неспокойно. Почему? Потому, что вам непонятно первое, основное, кардинальное в новом вашем литературном знакомстве: «Где же работают эти люди, черт побери...».

Вы дотрагиваетесь до лба, щипаете себя за руку: «Не сонел ли я с ума? Нет, слава богу! И вдруг — идея!.. А ну, посмотрю на обложку книги. Может быть, это роман из жизни какого-нибудь буржуазного бездельника? Что такое? Вы читаете название современного советского издательства! Удивление настолько велико, что вы... просыпаетесь: фу ты! все это было лишь сном! Ну, конечно, это может только присниться, что в нашей стране в понедельник человек беспричинно не занят делом...».

Да, дорогой читатель, кем бы вы ни были, — даже если вы писатель, — вас прежде всего интересует вопрос: какую «санкцию» имеют герои прочитанной вами книги. Все советские люди без исключения хотят знать эту «санкцию» и в ней самый главный пункт — где работает человек, над чем и как работает он, каким трудом занимается. Труд! Если человек не занят трудом физическим или умственным, если он не специалист в какой-нибудь отрасли — в колхозе ли, в лаборатории ли, на заводе, — тогда значит он болен! Или валид? Или имеет какой-то физический или умственный порок? Или очень стар? А может быть, очень ленив? Наконец... не советский гражданин ли?

Я убежден, что каждый советский писатель стремится полностью узнать: кто данный человек, каким трудом он занимается?

Это явление, свойственное, конечно, и писателям дореволюционного времени и даже многим отъявленным прогрессивным зарубежным писателям, для литератора, живущего в условиях нашей советской действительности, является самым важным качеством. Такой интерес к человеку закрепился в нас, советских писателях, как идея, как совесть, как мысль и дело; он, этот интерес, определяет наше творчество.

Но утверждать на этом основании, что все тут прекрасно или хотя бы удовлетворительно, было бы, по меньшей мере, страшным благодушием.

Кроме нового отношения наших советских людей к труду, мы знаем много других сторон жизни и много других человеческих качеств, которые по своей природе, исключительности, степени интенсивности являются советскими. Многие из них в какой-то мере свойственны также и людям другого общественного воспитания. Но при нашем советском общественном строе они стали решающей нормой, полными и обязательными требованиями. В частности, требованием и к писателям, берущимся писать о советских людях. Нам не дано, мы сами не позволяем себе писать нравственно уподобившие произведения: например, восхвалять или прощать эксплуатацию человека, развигать или оправдывать расизм, ненависть к другим народам, пропаганду против идеи мира. Права «свободной» проповедать идеи войны и фашизма нам не даны, и нет сомнения в том, что они один советский писатель по собственному убеждению такой «свободы» не хочет и не захотел бы.

Но речь сейчас не об этом, беспспорно. Каждый советский писатель свободен при-

сать о том, что его интересует, и писать так, как ему кажется правильным. Но вот одно странное явление, одна, я бы сказал, парадокс. Мы «свободны» не писать на темы промышленности, сельского хозяйства (правда, пользуются этой свободой, к счастью, не каждый). Мы «свободны» писать о любви, природе, «красивых» вещах — и пишем. В поэзии — пишем прямо, без добавлений. В прозе же, бывает, стараемся писать только о любви и пишем это вместе с изображением какого-либо «трудового процесса», будучи иногда даже сами убеждены, что так надо, что это хорошо, полезно, а в других случаях включаем этот «производственный» аспект для «спасения» своего главного творческого замысла — скажем, той же любви — от глухих редакторов. Но и в том и в другом случае — нет ли здесь этакого архаичного подхода к теме труда, во всем ее великом человеческом содержании, разумеется? Нет ли здесь ошибки как со стороны писателя, который себя ограничивает «любовью» (что, конечно, не значит, что в данном произведении о любви обязательно нужно говорить о значении труда!), так и со стороны того редактора, для которого недоступен великий человеческий смысл темы труда?

Общественное мнение не обязывает нас, а поручает нам художественно разработать эту великую тему; общественное мнение старается убедить нас в важности этой темы. Оно добивается этого настойчиво, но дело не доходит до принуждения, и даже читателя, да и критика терпеливо, когда некоторые писатели совершенны не пишут о людях промышленности или сельского хозяйства.

Наша система жизни — трудовая. Труд — основа бытия советского человека, основа его духовного мира. Общий труд на благо всех трудящихся людей — вот главная забота нашего народа — строителя коммунизма. Стало быть, тема человека-создателя, тема труда — главная тема нашей литературы, ибо у советской литературы нет и не может быть чуждых интересов, кроме интереса народа.

Наша система жизни — трудовая. Это крепко знает каждый советский человек, и вне сомнения, писатели тоже. И они пишут книги и песни о труде, посвящают романы и пьесы теме труда. Такие произведения в советской литературе очень много. Во множестве книг описывается какой-либо объект труда, показаны люди с характерными, типичными чертами той или иной специальности, с их производственно-профессиональными заботами. Нельзя сказать, что среди таких произведений нет удачных. И произведений, близких к удачным, немало. Но все же тема труда, как таковая, во всем своем объеме, во всей глубине своего творческого смысла не наша еще, по моему мнению, своего истинного художественного выражения. Не представляю себе, что кто-либо будет возражать против этого. Думаю даже, что тема труда и ее значение для литературы критико-теоретически разработаны больше, чем художественно-практически. Здесь вспоминается прежде всего мысль М. Горького, его, без преувеличения, философские статьи о значении темы труда.

В разрезении этой задачи М. Горький достиг больших высот. Но, осмелевая думать, мы его как следует не поняли. Не поняли горьковского понимания темы! И я осмелеваю думать так, прекрасно сознавая, что у людей страны социализма (в том числе и писателей) изменилось отношение к труду, отчетливо представляя себе, что я как бы вступаю в противоречие с самим собой. Но давайте поразмыслим: «многие писатели, взявшись за тему о труде, не овладели глубоким пониманием ее». Что это значит? Это значит, что они не достигли того понимания, которое стало бы пафосом, эмоциональным заповедником, творческим подвигом; мы не сумели понять высокую, воодушевляющую философию темы труда.

Теперь я перехожу к самым опасным местам в моей статье — к «утопиям», фантазированию.

Я задаюсь вопросом: какое будущее ожидает человечество, когда будет всемирный коммунизм? А это будет, ну, чтобы быть «точным» и чтобы никто не спорил, скажем, через много лет. Исторически скоро придет время, когда человечество на веки вечные положит конец войнам против человечества и против человека. — и вот чем же тогда будет заниматься человечество, а следовательно, и литература?

Коротко, ясно и определенно заявим: человечество должно противопоставить себя природе, как господин, как повелитель. И на веки вечные будет борьба против природы. И единственным нашим человеческим оружием, с силой которого природа будет считаться, является творческий труд. Каждый должен привязать себя на полный труд, на полную отдачу себя этому радостному труду. Пусть исчезнут иллюзии, что кто-то сумеет записать «в обоз», обманно поработать поменьше, чем он сможет. В мире исчезнет жизнь без труда.

Я умышленно усложняю свою фантастическую задачу. Может быть, кто-то из людей будущего, как бывает сейчас, представит себе труд как повинность, а не как удовольствие. Что ж тогда? Все равно. Природа, независимо от нашей любви и ненависти, заключает с нами «мирный пакт» лишь тогда, когда мы показываем безоговорочно, строго готовность к труду.

Иначе она, природа, двигает льды своих полюсов на экватор и тем расторгнет пакт. (Разрешите мне эту «дикую фантазию»). Природа для нас не станет добрым дядей и не даст нам ни копейки, и зря думаем, что она добра или что она будет доброй, — она всегда будет скупой. И при коммунизме она отдаст только то, что возьмет у нее наш труд.

Значит, что получается? Труд, который, по мнению некоторых, был в истории, так сказать, временной принудительной неприятностью, который должен, по их мнению, в будущем настолько облегчиться, что и вовсе исчезнуть, — должен остаться основным делом человека, основным и вечным? Да! Да!

Вот какой мысли нет в наших сегодняшних книгах о труде, вот какие исторические перспективы в них ее отражаются.

Конечно, немало у нас произведений о жизни заводов и колхозов. Но это часто — их тех блат, где соуса больше, чем самой пищи.

Орудия труда, описание рабочего места не увлекают для писателя, художника. В художественных произведениях их или «пропускают» или — в лучшем случае, да и в лучшем ли? — дают как внешний техниканизм. Весталынский писатель в атрибуты рабочего места теряет человека.

К такому результату приходит, когда, взявшись за тему труда, не удаляет ей достойного места, не понимает ее глубоко, широко, перспективно, когда она, как это сейчас есть пока что, включается в произведение в качестве чистого «техниканизма», а иногда в качестве данности «общественному заказу», в качестве ширмы для «протаскивания» действительно волнующего писателя содержания. В первом случае человек теряет в «труде», во втором случае человек исключается из «труда». В обоих случаях труд — важнейшая область проявления человеческой личности — превращается в какой-то вспомогательный элемент, человек механически отрывается от связи с трудом... Между тем очень важно, чтобы человек показал, как он понимает «идею» труда, как он осмысливает его глубокое философское значение, как он осознает (и осознает ли), что труд является не только средством к существованию, но и вечной и великой целью, смыслом человеческого существования.

Понимание труда как смысла жизни требует много, чем во многих наших «производственных» произведениях, отношении к этой «категории». Вспомним старые народные песни о труде. Земледелец любил свой труд, орудия труда и даже поил о них песни: «Плуг, забрай! Ну, ну, вода! Дотанем понемногу...» — у Ов. Туманова, «Плуг-джан, борозду взрезай, ты паши, ты взрезай!» (народная песня), «Ну! Тащися, сивка, пашней, десятиной!» — у Кольцова. Этот художественный притягивает более силён и понятен, чем неживой техниканизм в описании большого современного завода, потому что здесь мы видим душу трудящегося человека, живую связь между ним и общей целью труда, между ним и средствами труда.

Вина многих наших критиков и писателей заключается в том, что тему труда они не оценили по достоинству, в том, что списывали пока что физическая, часто грубая и трудная, часто, наоборот, обделанная, но ограниченная, заводом «производческая» сторона труда. В романах, повестях, критических статьях не показывалось в полной мере духовное, философское, «космическое» большое значение труда; не говорилось с достаточной определенностью, что «завтра» все человечество решающим образом станет трудящимся, что нас «завтра» работать, совершенно не спрашивая нашего желания, природа, в союзе с которой мы будем счастливы, если будем работать, и несчастны, если работать не будем; что «завтрашний день» будет не веселой свободой, он будет заполнен делом, в высшей степени нужным, неизбежным, бесконечным, — единственным условием развития человечества; что мы полюбили труд физически и духовно; что нас воодушевляет цель и процесс труда; что именно труд делает нас небогатыми сильными, здоровыми, счастливыми.

Наша современная литература, на мой взгляд, все еще не выразила поэзии творческого труда, его пафоса, его душевного, красоты, очарования, потому что не выразила пока глубочайшей человеческой сущности труда, его философия, его международного и вечного значения для судьбы человеческого общества.

Коммунистическое человечество в масштабе всего земного шара, предавшее само себе и в союзе с самим собой, уверенно будет намечать свой путь жизни. Привуд новые большие заботы: как сохранить неиссякаемость солнечной энергии, как разрешить трагическую проблему постепенного уменьшения тепла и света Солнца, как найти пути к удлинению человеческой жизни? И именно в ту, грядущую эпоху труд будет как никогда любим и как никогда воспет. В ту эпоху труженик, с великой охотой, добровольно изготовляющий деталь какой-либо машины, с небывалой силой осознает, что он не просто участник конвейерного изготовления детали, что он, работая, помогает всему человечеству в его стремлении и движении к общечеловеческой цели, что он участвует в работе великого всечеловеческого творческого конвейера.

А нам сейчас — и в жизни и в литературе — нужно приближать это будущее. Для этого, в частности, надо взяться за тему труда во всем ее объеме.

СПАРТАКИАДА НАРОДОВ СССР ПЕРЕД ФИНИШЕМ

Статистика знает все, утверждает И. Ильф и Е. Петров. Статистика Спартакнады тоже знает все. Ее известно не только общее количество участников, но и то, как они распределяются по полу (7 073 мужчины и 2 171 женщина), по возрасту (5 284 спортсмена от 16 до 25 лет, а 199 перевалило за сорок), по принадлежности к спортивным обществам и т. д.

Словом, статистика Спартакнады знает все и может дать ответ на любой вопрос. И лишь одного она не может: предсказать исход состязаний и назвать заранее имена победителей.

Прогнозы в спорте вообще дело рискованное. На Спартакнаде же, где на полторы тысячи известных приходится семь тысяч неизвестных, — это совсем безнадежное занятие. «Неизвестные» путают все карты и часто ставят в тулик даже самые признанные авторитеты.

Кто мог предполагать, что чемпион мира по классической борьбе заслуженный мастер спорта В. Сташевский проиграет перворазряднику из Эстонии Р. Томингсу? Кто взял бы на себя смелость предсказать результаты финального забега на 800 метров, который рекордсмен страны Г. Ивкини закончил лишь шестым? Кто решился бы утверждать, что чемпионы СССР по боксу И. Энкусис, Ю. Громов, В. Васин на финальных боях будут присутствовать только в качестве зрителей?

Есть все основания быть недовольным результатами иных участников Спартакнады. Нужно и можно критиковать некоторых наших тренеров. Нельзя не удивляться слабой подготовке московской команды по вольной борьбе, занявшей лишь восьмое место, и мужской баскетбольной команды Грузии, не попавшей даже в финал. Но все это частности. Главное же состоит в том, что раньше ни одно соревнование не выдвигало сразу такого большого числа спортивных талантов, ни на одном соревновании масса спортсменов не показывала столь высоких достижений, как на Спартакнаде народов СССР.

Около семидесяти спортсменов участвовали в забегах на дистанцию 400 метров, и в 56 случаях секундомеры фиксировали время лучше одной минуты. Норму мастера спорта выполнили Ольга Нелюбова (Киргизия), Диндра Левична (Латвия), Екатерина Парлюк (Ленинград) и другие. В забегах на 100 метров результаты международного класса показала Вера Югова (Молодоты), Лилия Потепенко (Эстония), Галина Резчикова (Свердловск), Ольга Кошелева (Белоруссия) и, конечно, прежде всего ленинградка Галина Попова, пробежавшая дистанцию за 11,5 сек. — новый рекорд Советского Союза!

Имя Галины Поповой хорошо известно и за рубежом, поскольку оно значится в таблице мировых рекордов против графы — прыжки в длину о забеге. Но кто, не считая узкого круга специалистов, знал что-нибудь о Вере Юговой, о Лилии Потепенко? Это молодая поросль нашего легкоатлетического спорта, за которую, я уверен, не придется краснеть и в Мельбурне.

То же самое следует сказать и о сержанте Кантемировской дивизии Георгии Климове. Ожидая на Центральном стадионе появления участников «пешего марафона» — ходьбы на 50 км, мы никак не могли рассчитывать на успех Климова по той хотя бы причине, что диктор на протяжении четырех часов уверял нас, что впереди с большим отрывом идет Юрий Попов. Вопреки этим утверждениям радиоприемника (который выяснил, что он ошибался, лишь при появлении спортсменов на территории стадиона), впереди был Климов. Он закончил дистанцию первым за 4 часа 05 минут 12,2 секунды, подарив Спартакнаде еще одно мировое достижение.

Очень это приятные слова — «еще одно». Ведь вовсе не один Климов оказался таким сильным спортсменом. Если говорить о легкой атлетике, то нельзя, конечно, умолчать о результате ленинградки Нины Виноградовой, выступавшей в пятитборье. Основными ее конкурентами были заслуженный мастер спорта Александр Чудинов — обладательница мировой рекорда.

После прыжков в высоту, толкания ядра и беге на 200 метров впереди по сумме набранных очков шла Чудинов. Жребий свел ее и Виноградову в одном забеге на 80 метров с барьерами. Этот последний, тринадцатый забег оказался счастливым для ленинградки (10,9 сек. — пресловутое время и не для многоборцев) и несчастлив для москвички, которая проиграла сопернице 0,6 сек. Теперь, для того, чтобы зачеркнуть в таблице мировых рекордов фамилию Чудиновой и вписать свою, Виноградовам нужно было прыгнуть в длину не менее чем на 5 метров 81 см. Если учесть напряжение двухдневной борьбы и естественное волнение спортсменки, то можно понять, что задача была для нее не из легких. Однако Виноградова ее решила. Прыжок на 5 метров 88 сантиметров принес ей звание чемпионки Спартакнады и рекордсменки мира в пятитборье.

Про футболстов, которые, неудачно начав сезон, обратили постепенно свою лучшую форму, говорят обычно, что они разыгрались. Наши легкоатлеты одорова «разбегались» и «распрыгались», установив ряд мировых, всевозможных и республиканских рекордов.

Штангисты выступили тоже отлично. Аркадий Воробьев, Евгений Новиков и Алексей Медведев, приняв эстафету рекордов от более легких по весу Фаула Хабудинова, Евгения Минаева и Федора Богдановского, с честью пронесли ее до конца. Их усилиями в таблицы рекордов мира и Советского Союза внесено еще несколько поправок.

Статистические данные свидетельствуют, что в командном зачете Спартакнады пока уверенно лидируют спортсмены Москвы. Но чем ближе к финишу, тем труднее москвичам подниматься в гору. Уже дважды потерпели поражение баскетболисты столицы, не вполне уверенно чувствуют и ведут себя московские пловцы. Судьи на ринге не слишком часто поднимали за последнее время руки московских боксеров в знак победы.

Столь ли уж слабыми стали столичные баскетболисты, пловцы, боксеры? Прежде всего подтянулись так называемая периферия. «Медвежий угол» в нашем спорте больше нет или, во всяком случае, почти нет. Теперь уже москвичам, ленинградцам, киевлянам нередко приходится учиться у спортсменов других городов, причем учиться и на поражениях.

...Рез на высокой махте Центрального стадиона алый стяг Спартакнады, поднятый в памятный для советских физкультурников день летнего августа.

Счастливым был старт правдника. И нынче можно сказать, без всякого риска ошибиться, — финиш тоже будет счастливым!

И. БРАВУ
На снимках: сверху — Анатолий Тимин (Гарринстан), превращивший мировой рекорд в стрельбе из 300 метров от выстрела 395 очков на 400 возмозможных. Внизу — на баскетбольном турнире Спартакнады начались финальные игры. В центре — снимок сделан во время игры казахов с азербайджанцами. В центре — игрок казахской команды У. Ахтаев, самый высокий баскетболист нашей страны.

Фильмы, посвященные Ивану Франко
Коллектив Киевской студии научных фильмов закончил съемки очередного популярного фильма «Иван Франко». О местах, связанных с жизнью и деятельностью писателя, рассказан короткометражный фильм Украинской студии хроникально-документальных фильмов.

ПУСТЫЕ БАРЖИ СТОЯТ У ПРИЧАЛОВ

Использовать реки для хлебных перевозок!

На днях, возвращаясь из поездки в соседний колхоз, я повстречал стоящую на дороге машину, груженную зерном. В тон ее сидел уставший, пожилой человек. Рядом с ним на грязной мешковине лежала пара огулов, нетронутая булка и щепотка соли.

— Не найдется ли у вас огонька? — спросил он, выворачивая карманы старого пиджака и высыпая махорочную пыль на обрывок газеты.

Брепку затанувшись, он закашлялся и с довольной улыбкой сказал:

— С утра не курил, табак кончился. Да и спичек не было. Третья сутки в дороге! А тут еще последний вапачей баллон от жары лопнул. Обидно, туточку не доехали. И город под носом и элеватор близко, а мы сидим. Шофер на попутную машину поехал в гараж. Я был пассажиром, а стал сторожем. Мог бы уехать, да шофера жалко, помочь ему надо. По дороге еще машина осталась...

— Откуда везете хлеб?

— Из Чунджа.

— Но ведь от Чунджи до Алма-Аты 240 километров... — заметил я, и вспомнил о трудностях этой горной дороги, где машины даже не разъезжаются...

— Это по Нарынкольскому тракту 240, но там мост через Чулик снесло. Так, что пришлось ехать в обход через Или, Коктал, по Кульжинскому тракту. Всего 240 километров — добрых 600. А ведь совсем рядом по реке идут пустыне баржи и пароходы...

Эта случайная встреча напомнила мне дорогу.

В один из суровых зимних дней 1954 года я возвращался из Чунджи. Новенький вездеход упрямо шел вперед, разрывая снег. В кабине рядом с шофером, укутанный в просторный бараний тулуп, сидел председатель Уйгурского районсовета Наурызбаев.

Быстро наступала ночь, начинался туман. Выехав из Чуликовского ущелья, мы оказались в хвосте громадной колонны автомашин, груженных зерном. Хлеб вывозился из Уйгурского, Нарынкольского, Бегеуского районов. Колонна двинулась так медленно, что за час с трудом можно было проехать лишь два-три километра. Но ехать было нечего — снег был глубок, и обогнуть машины было нельзя.

Ветер дул, вихря и поднимаемая снег, засыпая следы. Где-то впереди колонны, расчищая дорогу, шли люди с лопатами и рычаг мощной «ЧТЗ».

— Вью зима ломает машины, морозом людей, теряем зерно, — ворчал председатель районсовета. — А можно было все зерно вывезти еще осенью по реке Или.

— А вы говорили об этом в области?

— Как же не говорить? Мы не раз предлагали восстановить борохузерский пристанский пункт Заготзерна, который был снесен в половодье, да так ничего и не добились...

Между тем в былые годы в Борохузер шел мощный поток зерна из Октябрьского и Панфиловского районов Талды-Курганской области, из Уйгурского, Нарынкольского, Бегеуского, Чуликовского районов Алма-Атинской области. Из Борохузера хлеб быстро и без потерь доставлялся по воде Балхаш-Илийским пародством на железнодорожные станции Туркестана. Стоимость этих водных перевозок втрое дешевле перевозок по суше. И так было до весны 1954 года, когда в половодье затопило Борохузер. И хотя вода быстро схлынула обратно, пункт Заготзерна с тех пор так и не был открыт.

Управление казахской конторы Заготзерна резко сократило план завоза зерна и в другие прибрежные пункты. Пристань Дубунская, например, стала принимать за сезон всего лишь 2000 тонн хлеба. А бар-

жи и пароходы шли мимо Дубуны и Борохузера порожняком.

Балхаш-Илийское пародство шло навстречу желаниям колхозников и соглашалось возить хлеб на самых льготных условиях. Но казахская контора Заготзерна не придавала значения перевозкам зерна по воде. Так повторяется и в этом году.

На днях я снова побывал в казахской конторе Заготзерна и получил почти тот же ответ. Работники этой конторы (управляющий конторой И. Двинов), не желая обременять себя заботами, предпочитают перевозки на автомашинах за сотни, а то и тысячи километров.

В Казахстане немало рек, по которым могут идти баржи с зерном нового урожая. Разве нельзя ускорить и удешевить доставку зерна на элеваторы железнодорожных станций, отправляя его по Иртышу, Сыр-Дарье, используя также сухоходные пароходы рек Ишима, Тобола, Эмба, Урала? Ведь каждая из них течет мимо крупных железнодорожных станций.

— Как же используются эти реки для перевозки зерна? — с таким вопросом я обратился к начальнику Главного управления речного транспорта при Совете Министров Казахской ССР тов. Станкову.

— Казахская контора Заготзерна, — ответил он, — превратила нам для перевозки всего лишь 33 миллиона пудов зерна. Конечно, эту цифру Заготзерно легко может увеличить втрое, и это будет нам по силам. Ведь мы уже перевезли около 10 миллионов пудов зерна, хотя уборка только начинается. Но контора Заготзерна наша помощь отвергнула. В 1953—1954 гг. по рекам Казахстана мы вывезли зерна вдове больше, чем за все время на этот год. Вот, например, река Или. По ней мы бы вполне могли вывезти 13—15 тысяч тонн зерна, а нам предъявлено всего лишь 2 тысячи тонн.

— Когда-то на реке Урале было много пристанских пунктов, с которых хлеб вывозился по воде. Но в этом году Заготзерно почему-то отказалось от наших услуг. На вывозку зерна мобилированы все автомашины города Уральска и всей Западно-Казахстанской и Гурьевской областей, а в то же время на пристанях Урала стоят сотни пустых барж, так же как и на Сыр-Дарье, Ишима, где склады для приема и отгрузки зерна пусты. На весь Иртыш открыты лишь 6 приемных пунктов.

— Почему же на перевозку зерна плохо используются речной транспорт? — спросил я заместителя управляющего республиканской конторой Заготзерна тов. Сапожникова.

— Он, эти начальники транспортного отдела этой конторы тов. Герасимов не могли дать ответа.

А ведь водные перевозки могли бы сократить автомобильные. Учитывая, что Казахстан в этом году готовится сдать государству миллиард пудов зерна, это означает миллионы рублей экономии.

На токах колхозов и совхозов Алма-Атинской и Талды-Курганской областей сейчас лежат сотни тысяч тонн зерна нового урожая. Машин для дальних перевозок не хватает.

Почему же на берегах Или и других рек Казахстана не созданы приемных пунктов? Почему же не перевозить хлеб по воде?

А. АЛИМЖАНОВ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»

Алма-Ата

Гостиный в Советском Союзе пионер полярной авиации Л. Нагурский во время пребывания в Ленинграде встречается с Верой Валериановной Седухиной — вдовой прославленного полярного исследователя. На снимке: В. Седухин и Л. Нагурский. Фото Н. Карасева

Это интересно, прочтите!

Редакция журнала «Вокруг света» выпустила интересный номер. Я имею в виду седьмой, июльский номер журнала.

«Вокруг света» — географический журнал, и, следовательно, отбирая материал для печати, редакция строго связана его тематикой. Принято думать, что подобного рода рамки всегда ограничивают печатный орган, отталкивая его от «большой» литературы.

Однако это в значительной степени предрассудок. Факты доказывают, что журнал, на котором значится «всеобъемлющие» слова: «литературно-художественный, общенаучно-политический» и т. д. и т. п., иногда бывает невольным «самоограничением», как сказать, наивно верящим, что «самоограничение» убого богу. А журнал, выходящий под скромной вывеской «географический» или, скажем, «этнографический», дает читателю хорошую, «большую» литературу.

Возвращаясь же в этой связи к июльскому номеру журнала «Вокруг света», замечаю, материалы, напечатанные в нем, имеют географическую направленность. Но это не сухая, не ведомственная «история с географией». Большинство опубликованных произведений проникнуто пафосом познания мира и радостью ощущения жизни в ее многообразии.

Поначалу «Антарктический дневник» Юрия Моделя, младшего научного сотрудника комиссии антарктической экспедиции, написан прелестно. «Америка» — повесть Стефана Цейфа, принадлежит к числу, если не ошибаюсь, немногих первых переведенных у нас произведений знаменитого австрийца. Оно посвящено открытию Америки и написана в характерной для Цейфовских «литературных портретов» увлекательной, я бы сказал, «красноречиво-фантастической» манере.

Мне хочется также отметить рассказ Эдисона Маршалла о слонах, превосходный рассказ, который нельзя читать без волнения. Написанный в лучших традициях Джека Лондона, и, может быть, Киплинга, если иметь в виду его произведения типа «Маугли», рассказ этот вместе с тем оригинален по своей авторской интонации.

Прочитав номер журнала, мы узнаем, что такое о Грени — из очерка М. Семеева, о танкостанном смертельном яде куара, «обнимаем» на Среднем Урале, на реке Хуанхэ, в горах Киргизии, еще раз прочтем о Милухе-Маклае, познакомимся с «самой с чудом» — фантастическим бразильским гробом.

Одно уже перечисление напечатанных в журнале материалов свидетельствует об их интересности. Хотелось бы добавить, что материалы эти не только по своему содержанию, но и тем, что хорошо написаны.

Большинство из этих материалов имеет не только познавательное-географическое, но и так сказать, «общечеловеческий» интерес. Они будят в читателя любознательность, пробуждают радость покорения природы. Человек ощущает в них как победитель, разум торжествует над стихиями. Со страниц этого номера журнала веет соленым, бодрящим морским ветром.

Александр ЧАКОВСКИЙ

Тут не хватило бы и сотни блокнотов для записей.

Во втором случае — депутатские дела Куркина. Именно по этим делам со всех концов города Калача-на-Дону идут к Куркину гости.

ГОРОДОК Калач в связи со строительством Волго-Дона и порта пережил эпоху бурного расцвета, стал большим городом и продолжает благоустраиваться. Осело в городе много организаций, которые отжили свою историческую жизнь и должны бы исчезнуть, но они существуют по инерции, что-то доделывая, что-то достраивая, или оберегая залежавшиеся ценности, или что-то ликвидируя с нарочито сонной медлительностью. Внимая к частным застройщикам — и те, кому век жить и работать в Калаче, и те, кто под шумок строительного ажиотажа промышляет куплей-продажей домов, земельных участков, стройматериалов. Тут надо держать ухо востро.

Длут застройщики и спорщики к депутату городского Совета Куркину. Прием у него без всякой очереди, немедленный выход на место и — решение. И уж опять калачевцы: за решением этим — мнение избирателей, с которыми у депутата связь неразрывная. Не верши, обратись в исполком, и он подтвердит своим решением, что Куркин прав...

Надо украшать растущий город, закладывать сады, парки, скверы, аллеи. Вынесено по этому поводу замечательное решение горсовета. Только нет деревьев, и негде их брать.

Куркин выезжает в Сталинград, оттуда в питники и привозит наряд на пять тысяч деревьев. Председатель горисполкома Ульянова ахнула:

— Что вы наделали, Парамон Самсонович! Решение у нас, конечно, есть, но у нас нет средств, чтобы выкупить эти деревья.

— Средства у нашего горсовета много — триста тысяч на благоустройство.

— Все уже запланировано... Да и деревья вы купили преимущественно плодовые. На улицах, на площадях сажать яблоны, сливы, — так их в три счета легче ошаривать.

— Почему же в Венгрии да в Чехословакии плодовые деревья растут на площадях и дорогах и никто их не шаривает?

— То у них, а то у нас...

— Ну, раздайте эти деревья жителям, работникам, служащим. У них дворы голые.

Оказалось, что для обслуживания частного сектора горсовет не имеет аппарата. И вообще не приспособлен горсовет иметь дело с деревьями.

ТАК ЖЕ как автор статьи «Человек ушел в отставку» Вл. Макарёнок («Литературная газета» от 21 июля 1956 г.), я возмущен тем, что в наших рядах еще не перевелись офицеры в отставке, забывшие о партийной и офицерской чести. Я знаю и мог бы привести еще несколько подобных примеров. Но я также знаю, что эти люди — редкое исключение среди отставников. И поэтому нет сомнения в том, что офицеры — да и не только они — одобряют исключение из партии спекулянта Шацкого.

Однако меня волнует другое: как сделать так, чтобы офицеры не встречались даже как исключение? Автор статьи пишет, что нужно бороться за человека, за то, чтобы он не уходил в отставку от жизни, но почти не говорит о том, кому и как надо бороться за этого человека. Он не объясняет, почему встреченный им знакомый офицер, который писал «очерки о солдатах» и маленькие рассказы из фронтовой жизни, теперь не пишет. Вот о причинах-то этого и надо говорить во весь голос. Одинок этот не пишет не потому, что занят строительством забора у дачи, а потому, что он оказался в обстановке, в которой для многих жизнь начинается сначала, и не всякий может начать ее правильно, если ему не помочь в этом.

Трудно, очень трудно уходить в отставку, особенно когда отдал армии большую, лучшую часть жизни, когда привык к людям, к обществу.

После опубликования статьи «Человек ушел в отставку» редакция получила около ста писем. Большинство авторов, — а это главным образом офицеры в отставке, — поддерживают выставленную газетой, отмечает, что людей, подобных Шацкому, среди «отставников» — единицы, и тем большую по достоинству они заслуживают. Однако читатели, как и тов. Макарёнок, письмо которого опубликовано выше, считают, что поднят в статье вопрос требует не только констатации, но и более глубокого анализа причин «ухода в отставку от жизни», более реальных предложений на будущее.

Отставка, пишут читатели, — это не только перемещение места работы или жительства, но и расставание с любимой военной профессией, связанное с серьезной психологической ломкой.

«Представьте себе, — говорит в письме офицер в отставке С. Гаера (Таллин), — что после многих лет службы в армии вы просыпаетесь однажды утром, когда жена ушла на работу, старшая дочь — в институт, младшая — в школу, и только отец семейства — не ушел. За что встает?» Чем заняться еще нестарому, знающему, опытному человеку, привыкшему жить и трудиться в коллективе?

Решение этой проблемы вовсе не связано с необходимостью предоставить всем офицерам в отставке и в запасе штатную работу. Речь идет о другом — о внимании

к людям: о том, чтобы не ограничивать их мир стенами квартир, интересами семьи и воспоминаниями о прошлом; о том, чтобы дать им в руки дело общественной значимости. Беда в том, что людям, ушедшим в отставку, часто не помогают войти в новые для них условия жизни.

— Далеко если «отставник» нигде не работал бы, но чувствовал, что он нужен, что он не забыт, то его жизнь была бы более радостной. А некоторым это просто не позволило бы скатиться в болото мечтательства, — правильно замечает подполковник запаса А. Вабушкин (Челябинск).

Чаще всего «отставники» ищут труда, который был бы для них «не средством, а смыслом существования». Где же могут они найти применение своим силам и способностям? Почему бы им не предложить работу, связанную с общественным контролем (в частности, за ходом строительства, работой учебных организаций), проверкой исполнения, требующую принципиальности, честности, знания жизни, людей? Инженер-напистан 1 ранга запаса И. Муромцев (Москвитинский район) перечисляет ряд серьезных заданий, которые «отставники» с успехом могли бы выполнять: обследование больниц, проверка готовности школ к новому учебному году, проверка различных артелей и мастерских с точки зрения выполнения ими надлежащих законов и т. д.

Полковник запаса С. Дракин (Белгород-Днестровский) предлагает привлечь «отстав-

ников» к большой работе, связанной с реализацией нового закона о пенсиях. «Да мало ли отраслей хозяйства, где нужен наш жизненный опыт! Стоит только хорошо подумать над этим, и появятся сотни новых Орловских...».

В этой связи заслуживает внимания предложение некоторых читателей о создании из уволенных из армии в отставку и запас краткосрочных курсов, которые могли бы вести культурных, опытных, обладающих организаторскими навыками людей в курс каких-либо «гражданских» специальностей. Надо только идти навстречу благородному и столь естественному для советского человека стремлению трудиться. «Не нужно думать, что желание работать — блажь «отставников», — пишет Я. Новогрудский (Москва).

Через полтора месяца, когда вступит в силу новый Закон о пенсиях, уйдут в отставку» сотни тысяч рабочих, инженеров, служащих. И им после вынужденной трудовой жизни будет тяжело безделье. Как и тов. Макарёнок, этот вопрос волнует многих читателей. Старый кадровый рабочий К. Соловьев (Днепропетровский) делится своими мыслями: «Самое главное — суметь найти, подобрать такую работу, которая была бы человеку по душе, нравилась бы ему, которую он выполнял бы с любовью... Нужно, чтобы на местах поняли, что, уходя на пенсию, товарищи все же останутся в рядах строителей коммунизма и что из строя они выходят не хотят».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

«Литературная газета» от 26 июля с. г. была напечатана письмо А. Ерикеева об опубликовании его стихотворения «Доверчивость пыльного сердца» в первой книге трехтомника произведений Мусы Джалиля. В связи с этим хочется довести до сведения читателей Вашей газеты следующие:

В тридцатых годах Муса Джалиль работал в редакции татарской газеты «Комму-

нист», выходившей в Москве. Видимо, А. Ерикеев в свое время перелал это стихотворение Джалилю для помещения в газете.

При разборе архива покойного поэта был обнаружен машинописный текст стихотворения «Доверчивость пыльного сердца» без подписи автора.

Мы решили, что данное стихотворение является одним из очень многих черновых набросков Джалиля и исключили его из первого том произведения в газете.

Сразу же после того, как стало известно, что стихотворение «Доверчивость пыльного сердца» принадлежит А. Ерикееву, ему было объяснено, как это стихотворение попало в книгу Джалиля.

Аминя ДЖАЛИЛЬ

рищей, занимающихся сельским хозяйством. Но за три года пребывания в отставке я ни разу не был на собраниях районного и городского актива. Ни разу меня не пригласили на сессию районного или городского Совета. За три года я не был ни на одном собрании или совещании, где мог бы выступить, рассказать о хорошем, по-критиковать плохом. Меня нигде не позвуч, несмотря на мой стаж и опыт работы с людьми.

Работа пропагандиста — почетная и благодарная, но, повторяю, не все могут быть пропагандистами. Я считаю, что офицеры в отставке, имеющие большой опыт административной, педагогической, хозяйственной работы, могли бы быть весьма полезными в партийных и в советских органах, и на различных предприятиях, и в учреждениях, и в местной печати. Надо только активно привлечь их к этому.

Я считаю, что поднят в статье «Человек ушел в отставку» вопрос заслуживает внимания не только военкоматов, но и советских и общественных организаций. Решать его тем более необходимо, что новый Закон о государственных пенсиях гарантирует беспрестанную старость всем категориям советских труженников. Уйдя на пенсию, они тоже не захотят уходить в отставку от жизни.

Д. МАКАРЕНКО,
генерал-майор запаса
ХАРЬКОВ

Парамон Самсонович Куркин

ди. Но иные наклонились над бумагами и пишут, пишут, пишут, света белого не видят. Весной снеговые веты толпа двоят, губят ограны, разрушают дома, а в городе нет организации, которая защитила бы нас от этого бедствия. Вот румянщина дом. Создана комиссия горсовета, направляемся мы в коммунальный отдел, оттуда нас передерывают в стройкомгору, из этой конторы — в управление домами... А живая сила — пятьдесят три депутата, люди грамотные, честные, энергичные, чаще всего слушають готовые бумажные дела. Получается, будто канцелярия все могут сделать без нас. А думается: как только руководители горсовета и наш исполком заботливее будут ставить нас на общественную работу, многие аппаратные люди отпадут.

ИШЕЕ горсовет:

— Хорошо Куркину, перешел на пенсию и активничает...

Куркин был председателем колхоза, на войну пошел без всякого звания, демобилизовался майором. Получать пенсию в семье есть свет ничуть не зазорно.

Но в свои немолодые годы Куркин — не старичок-хлопотун, а человек богатского здоровья, и работает он, не развлекаясь от скуки, а потому, что работы кругом непохватый край. И от этой большой работы Куркин не собирается уходить в отставку.

— Всюду сидят как будто дельные лю-

Крепкая кость

ХОРОШИ вишня и яблоки в саду старого казака Парамона Самсоновича Куркина, и многие соседи, ближние и дальние, сажают в нему, чтобы полюбиться его садиком, приподнять отяжелевшую ветвь на любом дереве и ахнут: до чего хорошо урожай! Видно, знает Парамон Самсонович какие-то садоводческие секреты.

— А никаких секретов, друзья мои, нет. Руки надо иметь хорошие да помнить надо, что без фруктов дети хуже растут. Боли ты ему, ребятушка, не даешь вволю фруктов, у него ножки ползучаются некрепкие, несправные, нет в нем той стройности, которая красит человека. Недаром оно, дитя, тянет руки в сладкому, и ты уж, будь добр, не отказывай: это оно, дитя, требует, это природа требует. Если в старое время говорили, что хороши, мол, тот казак, у которого ноги рогачом, что это, мол, природный кавалерист-удалец, так я вам скажу: враки все это. Питание у того казака в детстве было плохое, сахару ему не давали, фруктов не давали, оттого и кость была хрящеватая, некрепкая, оттого и ноги скрывали. Нам это, скажу прямо, не подходит. Не к лицу нам такое дело. У советского человека кость должна быть крепкая, как железо, а сам он — весь прямой, стройный и красивый. А как же? Весь мир смотрит на нас, на первое трудовое государство.

— Конечно, есть и другие хорошие народы, хвать не будем. Проехал я на своем коне в эту Отечественную войну всю Восточную Европу. — Тут Куркин как бы мимолетом глянул на стелу, а там висит казачья гимнастерка и вся груда у нее в орденках и медалках. — Вот мы во всем, а сами поглядываем, какие там люди живут. Допустим, румын. Ничего, хороший человек, рослый, спокойный, маленько, как бы сказать, с грустной. Оно же понятно: землями своей всего — ничего. Боле у них там хозяйства — похуже наших помещиков. Он, тот румын, в основном малому ел — каша такая из дроблен-

На пользу или во вред?

По поводу статьи И. Эренбурга

В № 89 «Литературной газеты» я прочел заметки И. Эренбурга «О стихах Бориса Слуцкого». Эта статья вызвала у меня большое недоумение и желание сказать ее автору следующее.

Поэзия Б. Слуцкого вы, тов. Эренбург, называете «народной» и совершенно правильно замечаете, что «нужно прежде всего договориться о значении этого слова». Но вот то, как вы говорите о его значении, не создает у читателя никакого представления о том, что же вы понимаете под «народностью поэзии».

Частично, как мне кажется, вы свое определение народности поэзии заимствуете у Белинского, но взяли вы из этого определения лишь некоторые слова, форму, а не его сущность.

Вы пишете: «Народными чертами в поэзии иногда кажутся внешние и порой поддельные приметы. Если в стихах гармошка, молодцы, старинный песенный склад и прилагательное после существительного, — такие стихи причисляются к народным, хотя даже в глухой деревне можно теперь услышать радио и патефон и хотя тем языком, который мерещится тому или иному поэту, никто вокруг него не разговаривает».

Напрасно вы думаете, что советский читатель не создал ясного представления о народности поэзии. Дело ведь не только в словах. В произведении могут быть «гармошка», «молодцы» и т. д., но оно может быть и народным и не народным. В поэме Твардовского «Василий Теркин» целая глава посвящена гармошке, однако это есть действительно народное произведение. И читатель несколько не чувствует поддельности этого слова.

Определяя слово народность, вы пишете: «Называя поэзию Слуцкого народной, я хочу сказать, что его вдохновляет жизнь народа — его подвиги и горе, его тяжелый труд и надежды, его смертельная усталость и непобедимая сила жизни».

И в подтверждение приводите следующие строки:

А я не отвернулся от народа, С которым вместе голодал и стыл...

И дальше:

Не поминь про обиды. Я бы мог. А вот не вспомяну. Разве так, немножко.

Не кажется ли вам, тов. Эренбург, что если человек ставит себе в заслугу, что он в трудные годы «не отвернулся от народа», то говорить о таком поэте как о народном не так уж много оснований?

И уж совсем неясно, какие обиды мог нанести народ Б. Слуцкому, о которых поэт с довольно барской снисходительностью не вспоминает. «Разве так, немножко».

А конец стихотворения?

Не льстить ему. Не ползать перед ним. Я — часть его. Он больше, а не выше.

Не говоря уже о том, что это утверждение Б. Слуцкого представляется мне, по меньшей мере, нескромным, хочу спросить: какой народ требует от своего поэта «льстить ему» и «ползать перед ним»?

Как можно такое стихотворение считать истинно народным?

Совершенно неясно ваше утверждение о том, что народный поэт должен воспевать и какую-то еще «смертельную усталость» народа. Если этой самой «смертельной усталости», я не замечаю ни у себя, ни у окружающих меня людей. И, конечно, не беру на себя смелость утверждать, что все, что испытываю я, должен испытывать и весь народ, но мне хотелось бы знать, что же вы подразумеваете под «смертельной усталостью» народа, которую должен воспевать истинно народный поэт?

Вы пишете, что поэзия Б. Слуцкого народна потому, что Слуцкий «...вдохновляет жизнь народа — его... надежды». Но почему же ни в одном из приведенных вами отрывков, да и в других стихотворениях Б. Слуцкого самый внимательный читатель не найдет ни малейшего намека на «надежды народа»?

Разбирая произведения с точки зрения его народности, Белинский всегда требовал, чтобы оно было написано русским литературным языком. У читателя же вымывает большое недоумение тот язык, которым довольно часто пользуется Б. Слуцкий.

Приведу примеры.

Закутавшись в одежи средние... Мы говорим «плохая одежда», «хорошая одежда», и никогда — «одыжа средняя».

А дальше:

Вниз головой по гудюк мостовой Вслед за собой война меня влечила...

Почему вниз головой? Почему по мостовой? Почему такая обреченность у лирического героя Слуцкого?

...И выучила лишь себе самой. А больше ничему не научила.

Разве не убого выглядят и уместнейший и душевный мир автора, прошедшего Великую Отечественную войну и в результате научившегося только войне? Мне непонятно, как вы, которого минувшая война действительно многому научила, могли это стихотворение привести в качестве примера «народной поэзии»?

А заключение:

Пою тебя войной и тишиной.

Читаешь и невольно думаешь, что перед тобой очень плохой перевод с иностранного языка.

Можно привести еще много примеров, показывающих исключительную небрежность к русскому литературному языку со стороны поэта, но мне кажется, что и этого достаточно.

Итак, в заключение:

Читаешь и невольно думаешь, что перед тобой очень плохой перевод с иностранного языка.

Можно привести еще много примеров, показывающих исключительную небрежность к русскому литературному языку со стороны поэта, но мне кажется, что и этого достаточно.

Забудый писатель

В конце XIX и начале XX века широкие круги русских читателей познакомились с художественной прозой и поэзией Тана (литературный псевдоним Владимира Германовича Богораза, этнографа, лингвиста, писателя). Отбыл десятилетняя ссылка на Колыму и Чукотку, Тан опубликовал серию «Чукотских рассказов», написал роман «Жертвы дракона» — о далеком прошлом северных племен. В «Колымских рассказах» писатель выразил то, что его волновало как одного из деятелей партии «Народная воля».

В дореволюционные годы переиздавались сборники стихотворений Тана. Но в эти сборники цензура не могла пропустить все, созданное Таном, например его революционные стихи и песни, появившиеся в подпольной печати. Несколько романов Тан написал уже при советской власти («Союз молодых», «Воскресшие племя»). К сожалению, эти книги очень давно не переиздавались.

Разумеется, не все, написанное Таном, представляет интерес для массового читателя. Но, думаю, давно пора отобрать самое ценное из его литературного наследия и переиздать массовым тиражом с библиографической справкой о писателе.

Мих. ВОСКОВОНИКОВ, доцент Педагогического института имени Герцена ЛЕНИНГРАД

смотренных примеров вполне достаточно, чтобы сказать, что стихи Слуцкого не раскрывают богатства русского языка и тем самым не воспитывают у читателя любви к нему.

Одним из существенных признаков народности поэзии, как известно, является ее реализм. А чего, например, стоит, в описаниях Б. Слуцкого, «реализм» чувств зрителя, просматривающего какую-то безымянную кинокартину:

Шел фильм, и билетерши плакала Слез рад подряд над ним одним.

(Не много ли? — Н. В.)

И парня девушек не лапали, Поскольку стыдно было им.

Читатель невольно думает, что кинокартина была очень хорошей, замечательной. Но читаем дальше:

Как много солחנו и сделали Под музыки дешевой гром...

Значит, картина не может быть такой замечательной, если музыка была «дешевым громом»!

Вы пишете: «Конечно, стих Слуцкого помечен нашим временем — после Блока, после Маяковского...» и далее: «...после стихов Блока я, кажется, редко встречал столь отчетливое продолжение гражданской поэзии Некрасова».

Значит, по-вашему, развитие всей народной русской поэзии идет так: Некрасов, Блок, Маяковский и, наконец, Слуцкий, как высшее ее проявление? Какую же роль вы отводите Есенину, Тихонову, Твардовскому, Исаевскому и большому ряду других наших современников?

Я отнюдь не собираюсь утверждать, что названные вами в статье Ахматова, Цветаева, Пастернак в какой-то степени не влияли на развитие советской поэзии в послевоенные годы. Выяснить, был ли это влияние положительным или отрицательным, — дело историков литературы. Но ведь из вашей статьи читатель вправе сделать вывод, что именно эти поэты определяли развитие советской поэзии. А разве это соответствует действительности?

Свои утверждения вы ничем не обосновываете и, опираясь исключительно на свой литературный авторитет у советского читателя, думаете, что он может воспринять их как непреложную истину.

Если бы вы в своей статье высказывали просто свое мнение, это было бы вполне правильно. У каждого может быть свое мнение по любому вопросу, а другие, в меру своего разумения, могут соглашаться или не соглашаться с ним. Но мнение, высказанное вами в статье, носит декларативный характер. Многие читатели и поэтическая молодежь, восприняв ваши высказывания, как новый этап развития критической мысли нашего времени (а это вполне может случиться, так как ваш авторитет как писателя очень большой и у читателей и у поэтической молодежи), будут относиться к «народной поэзии» произведениям, не заслуживающим даже пристального внимания.

Я не хочу сказать, что Б. Слуцкий — плохой поэт. Его творчество я разобрал только по нескольким опубликованным в периодической печати стихотворениям и по отрывкам, очевидно, некоторых неопубликованных произведений, приведенных вами в статье. вполне возможно, Б. Слуцкий и в будущем будет писать хорошие произведения (в это хочется верить), но подавляющее большинство из того, что вы приводите в качестве образца, по-моему, очень мало похоже на поэзию.

Мне кажется, что туманность и неясность вашей статьи могут принести только вред Б. Слуцкому, Молодым поэтам и многим читателям.

Н. ВЕРБИЦКИЙ, преподаватель физики 715-й средней школы г. Москвы

Секрет быть скучным

Этот секрет в свое время хорошо раскрыл Вольтер. Сказать все до конца и забыть поставить спасительную точку — вот что, по его мнению, может вызвать зевоту у читателя.

Настоящий художник познается в самоограничении, в строгом отборе событий, героев, сюжетных ходов, деталей, языковых средств. Прямодлиность замысла, привычные и упрощенные сюжетные положения и характеристики, словесные излишества убивают художественное произведение или, в лучшем случае, больно ранят его, если в нем остаются какие-либо другие достоинства.

В Харьков вышла совсем небольшая, в восемьдесят страничек, книга Николая Омельченко «Рубина». В ней собрано семь рассказов. У писателя оказался свой круг тем, пока не очень широкий, свои герои, преимущественно из молодежи.

Нет-нет да и порадуется в сборнике короткая пейзажная зарисовка, свежая художественная деталь или яркое сравнение. Но вообще-то, по моему мнению, у среднего автора пока горчительно малый выбор изобразительных средств, художественное зрение его не остро, он не видит, например, нюансы и жестов своих героев, которые с унылым однообразием «пожимают плечами» (это «обидчиво», а кто «неуверенно»), «щурят глаза» (в рассказе «Полынь»); «Шуршал от яркого солнца, инженер вышел во двор», в рассказе «Орнамент» «Старушка зажмурилась от яркого весеннего солнца»; «В Семье» «Ее огромные глаза прищурились от яркого света»; «У нас в общестине»; «сощурив глаза и понизив голос до шепота, зло спросила Клара».

В мою задачу не входит разбор книги Николая Омельченко; мне лишь хотелось бы на примере рассказов «Полынь» показать, к чему приводит стремление «сказать все до конца». Рассказ написан о любви, но автор обрисовывает своего героя, инженера МТС Гаранова, и в произвольной обстановке, и такое переплетение трудовой и личной жизни делает повествование достоверным. Основное же, что занимает в данном случае внимание автора, — это тема зарож-

Ааду Хинт прав

Я прочитал в «Литературной газете» от 7 июля с. г. статью писателя Ааду Хинта «Главная тема». Скажу сразу, что статья эта мне очень понравилась. Я рад, что газета подняла этот вопрос, по-моему, один из самых важных для дальнейшего развития нашей литературы: о том, что является главным предметом художественной литературы, главной заботой писателя.

Правда, я немного обиден на А. Хинта за то, что он думает, будто читатель — это какой-то любитель шаблонов, «привыкший к избитым схемам», «эстетически неразборчивый» и т. д. Мне кажется, такого читателя вообще нет. Может быть, я и ошибаюсь. А если я ошибаюсь, а такие читатели все-таки существуют, то они созданы, наверное, литературной критикой. Наша литературная критика порой требует от писателя именно схем. Еще до сих пор на страницах журналов и газет вместо разговора о том, чем обогащает человека или искусство, с упреком говорится, что автор не сумел показать роль профсоюзной организации, комсомола, роль колхозного коллектива и т. д., хотя писатель в данном случае и не ставил перед собой такой цели.

Очень жаль, что наша печать мало помещала читательских отзывов о книгах, а если и печатала, то только такие, которые совпадали с общераспространенным мнением той же критики.

Но вернусь к статье «Главная тема». Там говорится: читатель «Поднятую цепь», и полностью захвачен этой книгой, а многие другие книги на те же темы коллективизации нейтральны, серы и скучны. Это справедливо. Справедлив и ответ на вопрос «почему?». Да потому, что они, эти книги, отличаются только местом действия, а все остальное — характеры героев, их язык, их мысли — одинаковы, и конец всегда известен заранее: порок наказан, добродетель торжествует.

А ведь в жизни бывает далеко не всегда так просто и ясно. Жизнь многогранна, и это разнообразие и должна показывать нам, читателям, литература. Без жизненной правды нет литературы, без этого она не сможет выполнить свою задачу — заставить думать читателя, вести его на борьбу за лучшее будущее, за коммунизм.

Поэтому я и поддерживаю А. Хинта, когда он выступает против пустой, поверхностной, безжизненной «забоднейности», против «литературной моды». Я поддерживаю А. Хинта, когда он говорит о том, что нужно уделять больше внимания «общечеловеческому значению литературы».

И, повторю, нужно больше помещать на страницах наших газет отзывы читателей о прочитанных ими книгах.

Н. КОЛПАКОВ, КАЗАНЬ

Ответ читателю

В № 82 «Литературной газеты» было опубликовано письмо читателя М. Сиднича «Правдивые рассказы» — о сборнике очерков и рассказов С. Залыгина. Ниже мы публикуем ответ С. Залыгина автору письма.

Дорогой товарищ Сиднич! Каждому писателю доставит удовольствие, а главное — пользу такой положительный отзыв читателя, какому было ваше письмо, опубликованное в «Литературной газете» 12 июля 1956 г.

Именно потому, что этот ваш отзыв проникнут духом товарищества, я почувствовал необходимость ответить вам на некоторые ваши замечания. Время идет, многие наши представления меняются, становятся глубже, объективнее, мы предъявляем все больше и больше требования к себе и к окружающим нас людям, и вот уже изначная из нашей литературы тип засахаренного положительного героя.

Однако после того, как это произошло, неправильно было бы требовать, чтобы даже дети занимались критикой секретарей райкомов.

А вы, пожалуй, именно этого требуете от меня, когда пишете, что в рассказе «В старой деревне» показан «идеальный» человек в восприятии 12-летнего Адеты, который искренне любит Голубева — ближайшего друга и товарища своего отца, погибшего на фронте.

Рассказ этот написан мной 7 лет тому назад; разумеется, если бы я стал сейчас переписывать его заново, я кое-что изменил бы в нем, но вот образ Адеты, который оставил бы прежним.

И еще одно обстоятельство. Будучи метеорологом, я утверждаю, что полярных высотных метеорологических станций не бывает и что искусственно поднята станция в рассказе «На Большую землю» куда-то за облака. Много ли таких станций или они составляют исключение, не могу сказать, но на одной из них я бывал, долгое время был связан с ней по радио, так что в этом у меня нет никакой выдумки.

С глубоким уважением и приветом С. ЗАЛЫГИН

Иллюстрации художника М. Мазиуха к книге М. Салтыкова-Щедрина «История одного города», которая готовится к печати в издательстве «Литературная газета».

В страстных спорах

Искусство стран народной демократии переживает бурный подъем, вступает в новый яркий этап своего развития. Об этом свидетельствуют и появившиеся в последнее время художественные произведения, которые говорят о настоящем и успешном труде писателей, и оживленные споры по важнейшим вопросам искусства, особенно развернувшиеся после ХХ съезда КПСС.

О литературных дискуссиях в странах народной демократии

Историческая половина 1956 года была богата творческими дискуссиями. Они проходили на съезде Союза немецких писателей и на ХХ сессии Совета культуры и искусства Польской Народной Республики, на собраниях писательских организаций Венгрии и Болгарии, на съездах писателей Чехословакии и Румынии. Обсуждение вопросов социалистического реализма находилось в центре специальной дискуссии, организованной в начале июля этого года Венгерской академией наук.

Одним из признаков этих дискуссий был широкий, свободный обмен мнениями, страстная критика и самокритика, стремление писателей и критиков прямо и открыто говорить о недостатках своей работы и искать средства к тому, чтобы освободиться от них. Проблемы, затронутые при этом, и сейчас дебатуются на страницах печати, вызывают неослабевающий интерес широких кругов читателей, что свидетельствует о значительном росте общественной роли литературы в странах народной демократии.

Особенно остро обсуждается писательской общественностью вопрос о творческом методе нового искусства, призванного помогать построению социалистического общества и правильно отражать сложный процесс преобразования жизни в странах народной демократии. Проблема вокруг проблем социалистического реализма, развернувшаяся в странах народной демократии за последние месяцы, является знаменательным симптомом возмужания литературы, симптомом движения вперед.

Одним из признаков этих дискуссий был широкий, свободный обмен мнениями, страстная критика и самокритика, стремление писателей и критиков прямо и открыто говорить о недостатках своей работы и искать средства к тому, чтобы освободиться от них. Проблемы, затронутые при этом, и сейчас дебатуются на страницах печати, вызывают неослабевающий интерес широких кругов читателей, что свидетельствует о значительном росте общественной роли литературы в странах народной демократии.

возможности, не исчерпанные в наши дни, участники дискуссий говорили о том, что метод социалистического реализма помогает художникам рисовать общественную жизнь, человеческие характеры и отношения в подлинно исторической перспективе, чем и достигается полноценное, разностороннее изображение жизни в ее развитии.

«Литературные произведения последних одиннадцати лет», — говорится в обращении ЦК Компартии Чехословакии ко II съезду писателей, — являются важным начальным шагом в деле овладения методом социалистического реализма.

«Благодаря освоению метода социалистического реализма как в румынской литературе, так и в литературе национальных меньшинств были созданы произведения, которые правдиво отражают многие из аспектов борьбы народа в эту эпоху завоевания новой жизни», — констатировала резолюция II съезда румынских писателей.

Вопросы социалистического реализма широко обсуждались на собраниях болгарских писателей, где рассматривались новые перспективы развития искусства народной Болгарии. О специфических чертах метода социалистического реализма в немецкой литературе говорили писатели и критики, выступавшие на IV съезде Союза немецких писателей.

Углубленное рассмотрение преимуществ метода социалистического реализма соединено с резкой, принципиальной критикой общих и частных недостатков в работе отдельных писателей и критиков, в деятельности целых организаций. Так, например, на съезде Союза немецких писателей И. Бекер, А. Зегерс, В. Бредель, Г. Лукач, С. Гейм, говоря об отставании литературы от жизни, указывали на отдельные слабые произведения, появившиеся за последние годы в ГДР, конкретно анализировали недостатки в творческой работе.

В выступлениях А. Мандалиана, В. Маха, В. Брандаса, К. Будыки и других польских литераторов звучит подлинная забота о литературе социалистического реализма. Остро критикуя недостатки литературы последнего десятилетия, они в то же время показывают ее боевой революционный характер, ее глубокую внутреннюю связь с прогрессивной литературой прошлого. В своих выступлениях они предъявляют большие и насущные требования всем литераторам, критикам и литературоведам. Наставляя на тесной связи

современного социалистического искусства с классическим наследием, передовые польские писатели и критики не упускают этого вопроса. «Писатель, — говорит К. Брандас, — боится окаменения живого материала в застывшей форме великих традиций».

Румынский поэт М. Бенюк в своем докладе на I съезде румынских писателей остановился на ошибках, допущенных руководящими работниками идеологического фронта, — на подмене подлинного руководящего администрированием, на критических работах, имеющих односторонний характер, на слабом контакте критиков с писательской массой, в результате чего не решались наиболее актуальные творческие проблемы.

Схоластика и влияние определенных административных методов, которые существовали в литературной жизни, лишает молодой румынский критик Опра, приводит к тому, что особенности некоторых художественных произведений выдвигались иногда за единственно существующую и возможные особенности социалистического реализма в целом.

Искренне и революционно прозвучало выступление В. Вределя на съезде немецких писателей, направленное против упрощения, против механического отождествления политической тенденции и художественной правдивости.

Много верного было в той резкой критике, которой подверглись на съезде чехословацких писателей чешская поэзия — в докладе В. Незвала, чешская проза — в докладе Ф. Бурианека, словацкая проза — в докладе В. Минача.

Однако наряду с критикой, проникнутой стремлением осмыслить богатый опыт последнего десятилетия в литературе стран народной демократии и способствовать дальнейшему развитию современного искусства, имели место, как уже отмечалось, и такие выступления, которые, по существу, выражали стремление умялить достижения молодой литературы, развивающейся в странах народной демократии.

